

УДК 81'272

ПРОБЛЕМЫ БИЛИНГВИЗМА И ОБЗОР СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ЛАТВИИ ¹

Александр Васильевич Филей

магистр гуманитарных наук Латвийского Университета

докторант Вентспилской Высшей школы (Латвия)

Латвия, г. Рига, ул. Андрея Сахарова, 13-30. odessamatj@inbox.lv

В первой части статьи обзорно рассматриваются особенности социалингвистической ситуации в период существования Латвийской ССР при активных контактах русского и латышского языков в различных сферах деятельности в условиях перспективного языкового планирования. Приводятся статистические данные о национальном составе Советской Латвии и о степени распространения латышского и русского языков в латвийском обществе. Бегло приводятся исторические сведения о языковых контактах на территории современной Латвии в различные исторические периоды; упоминаются экстралингвистические факторы, которые способствовали соприкосновению русского и латышского языков. Рассматриваются факты, свидетельствующие о репрессивном характере языковой политики в современной (постсоветской) Латвии. В статье отражены официальные данные о степени владения русским языком латышским населением и об использовании латышского языка теми группами населения, для которых русский язык является родным. Во второй части статьи подводятся итоги социалингвистического опроса, проведенного среди участников Тотального диктанта в Риге в 2014 г.; после анализа и обобщения полученных результатов делается вывод о характере использования латышского языка русскоязычными респондентами и о факторах, оказывающих влияние на распространение латышского языка среди разных возрастных групп русскоязычного населения Латвии.

Ключевые слова: социалингвистическая ситуация; Латвия; этнолингвистические группы; билингвизм; русский язык; латышский язык; языковая политика; русско-латышские языковые контакты.

Русский язык в Латвии советского периода

Вопросы, связанные с социалингвистическим, грамматическим, сопоставительным, диалектологическим аспектами русско-латышских языковых контактов в разные временные периоды, были достаточно подробно изучены различными исследователями, в том числе М.Ф. Семеновой [Семенова 1959, 1964, 1966, 1973, 1976; Семенова, Граудина 1977], Ю.М. Паршутой [Паршута 1969], В.А. Юриком [Юрик 1957], Л.К. Граудиной [Семенова, Граудина 1977]. Любопытные наблюдения о языковых контактах на территории прибалтийских государств высказывал выдающийся советский лингвист Е.Д. Поливанов [Поливанов 1931]. Подробную характеристику лингвистической ситуации в Латвийской ССР предложили лингвисты З.А. Толмачева и Т.А. Якубайтис [Толмачева, Якубайтис 1967]. Большое внимание было уделено влиянию на языковую действительность многих культурно-исторических факторов, а также социополитического контекста, который всегда являлся одним

из ключевых факторов влияния на социалингвистическую ситуацию в Латвии. В современной Латвии на изучении русско-латышских языковых контактов разных исторических периодов в ряде научных публикаций подробно останавливается лингвист И.С. Кошкин [Кошкин 2007, 2009, 2012]; вопросы исторической диалектологии и контактной лингвистики в Латвии рассматривал Б.Ф. Инфантьев [Инфантьев 1980]. Вопросы фонетической и грамматической интерференции в русской речи латышей анализирует лингвист Т.А. Стойкова [Стойкова 2013а, 2013б].

В 1940 г. после установления советской власти в Латвии начался новый этап языковой жизни страны. Возник контекст для языковой интерференции на разных уровнях [Семенова, Граудина 1977: 196], сложились условия для тесных контактов русского и латышского языков. В послевоенный период в Латвийской ССР в соответствии со стратегией «универсальной планификации» началось всестороннее языковое строительство. 7 февраля 1946 г. была основана Академия

**Филей А.В. ПРОБЛЕМЫ БИЛИНГВИЗМА
И ОБЗОР СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ЛАТВИИ**

наук Латвийской ССР [Рига 1989: 817], в составе которой действовал Институт латышского языка, основными целями которого были системное проведение стандартизации языковых норм, разработка и унификация терминологического аппарата и другие вопросы, связанные с развитием латышского языка.

В Латвии в разные исторические периоды языковая ситуация складывалась в условиях длительного взаимодействия между носителями

разных языков. Данные о национальном составе населения Латвии в разные годы представлены в таблице [Всесоюзная перепись населения 1959 года: электр. ресурс; Всесоюзная перепись населения 1970 года: электр. ресурс; Всесоюзная перепись населения 1979 года: электр. ресурс; Всесоюзная перепись населения 1989 года: электр. ресурс; Итоги переписи населения Латвии: электр. ресурс].

**Изменения в национальном составе Латвии
по итогам переписей населения с 1930 по 2011**

Националь- ность	1930		1959		1970		1979		1989		2000		2011	
	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%
Все	1900,0	100,0	2093,5	100,0	2364,1	100,0	2502,8	100,0	2665,7	100,0	2377,3	100	2067,8	100
Латыши	1395,0	73,4	1297,9	62,0	1341,8	56,8	1344,1	53,7	1387,7	52,0	1370,7	57,6	1284,1	62,1
Русские	201,8	10,6	556,4	26,6	704,6	29,8	821,5	32,8	905,5	33,9	703,2	29,5	556,4	26,9
Белорусы	36,0	1,9	61,6	2,9	94,9	4,0	111,5	4,5	119,7	4,5	97,1	4,0	68,1	3,3
Украинцы	1,6	0,1	29,4	1,4	53,5	2,3	66,7	2,7	92,1	3,4	63,6	2,7	45,6	2,2
Поляки	59,4	3,1	59,8	2,9	63,0	2,7	62,7	2,5	60,4	2,5	59,5	2,5	44,7	2,2
Литовцы	25,9	1,4	32,4	1,5	40,6	1,7	37,8	1,5	34,6	1,3	33,4	1,4	24,4	1,2
Евреи	94,4	5,0	36,6	1,8	36,7	1,6	28,3	1,1	22,9	0,9	10,3	0,4	6,4	0,3
Немцы	69,9	3,7	1,6	0,1	5,4	0,2	3,3	0,1	3,8	0,1	3,5	0,1	3,0	0,1
Цыгане											8,2	0,3	6,4	0,3
Эстонцы											2,6	0,1	2,0	0,1
Другие	16,0	0,8	17,8	0,8	23,6	0,9	26,9	1,1	39,7	1,4	25,0	1,1	26,2	1,3

При этом в 1979 г. 91% населения республики считал язык своей национальности своим родным языком; 1,34 миллиона человек назвали латышский язык своим родным языком, что составляло около 54% населения Латвии, а русский язык назвали родным 40% населения [Итоги всесоюзной переписи... 1982], из которых примерно 194 000 человек были нерусскими по национальности. Всего на 1979 г. русским языком владели 1,92 мил чел. или 76,8% населения Латвии [там же], а латышским – 1,57 миллиона человек (62,9% населения республики). Надо отметить, что чуть более половины населения Латвии помимо родного языка владели еще одним языком, что указывает на высокую степень реализации билингвизма в обществе и на продуктивность государственной языковой политики, которая осуществлялась на академическом уровне с учетом необходимости русского языка в качестве

средства межнационального общения жителей национальных республик Советского Союза.

К середине 1970-х гг. число лиц, которые считали русский язык родным, достигло 848 546 человек [Семенова, Граудина 1977: 197]. В общей сложности 1 587 087 человек пользовались русским языком как родным, что составляло более 76% населения Латвийской ССР [там же]. Рост количества носителей русского языка в республике наблюдался с середины 1940-х гг. и продолжался весь советский период до начала 1990-х, когда последовал выход Латвии из состава СССР, что повлияло на изменение социополитических условий.

Согласно данным начала 1970-х гг., латышский считали родным языком 58,6% населения, русский – 35,9%, белорусский – 1,8%, литовский – 1,3%, украинский – 1,2%, польский – 1,2% [Семенова, Граудина 1977: 198]. Опубликованные в это же время данные переписи свидетель-

ствуют, что русский назвало вторым языком большинство населения (76,5%), а часть латышского населения республики указала, что их вторым языком является латышский (20,4%) [там же]. Сравнительно малое число респондентов указали в качестве вторых языков украинский (1,4%), белорусский (1%) и литовский (0,7%).

Наиболее важным фактором из тех, которые способствовали постепенному увеличению числа носителей русского языка, был новый социополитический контекст, связанный с вхождением Латвии в состав СССР. Среди частных факторов надо отметить также необходимость квалифицированной рабочей силы, которая возникла после окончания Великой Отечественной войны, что повлекло за собой увеличение русского населения. В частности, русскоязычной в основном была советская инженерно-техническая интеллигенция. Другим частным фактором, повлиявшим на рост русскоговорящего населения республики, была послевоенная неустроенность жизни в населенных пунктах приграничной зоны (в Западной Белоруссии, Псковской области, Ленинградской области), которая способствовала активному переселению в Латвийскую ССР в 1940 – 1950-е гг. В то же время в условиях двуязычия в Латвийской ССР существовали вузы или профильные отделения, в которых образование можно было получить исключительно на латышском языке. В их число входили Академия художеств ЛССР, Латвийская Консерватория и архитектурно-строительный факультет Рижского Политехнического Института (а также некоторые другие высшие учебные заведения).

Важно отметить высокий уровень обучения русскому языку в начальной школе для латышей, что было связано с потребностью в обеспечении квалифицированного владения русским языком как языком межнационального общения и с точки зрения практической – для поступления в престижные советские (в основном российские) вузы в соответствии с поквотовым распределением для национальных меньшинств. В то же время латышский язык в русскоязычных школах Латвийской ССР преподавался хуже. Объективно и то, что латыши (равно как и жители других прибалтийских республик) испытывали больше практических потребностей в освоении русского языка как универсального средства международной коммуникации, в то время как русофоны Прибалтики в меньшей степени испытывали потребность в изучении местных национальных языков даже на разговорном или элементарном уровне в связи с отсутствием контекста применения. В большинстве случаев в период существования ЛССР носитель латышского языка в

общении с русскоязычным коммуникантом предпочитал переходить на русский язык, не испытывая при этом существенного психоэмоционального дискомфорта, а часто воспринимая это как нечто само собой разумеющееся. Пожалуй, исключение из правил представляли собой те направления профессиональной деятельности, которые были связаны с художественным творчеством (живописью, скульптурой, дизайном) и (реже) спортивной сферой. Также имело значение индивидуальное желание носителей русского языка освоить латышский (пример известного театрального режиссера А.Я. Шапиро, который, став директором Рижского ТЮЗа, в совершенстве освоил латышский язык, руководствуясь личными мотивами). В целом языковая политика в Латвийской ССР была умеренной, мягкой и сбалансированной, носила плановый характер и корректно учитывала местные особенности психологического контекста. Как показывает практика лингвокоммуникации в ЛССР, такая политика позволяла успешно избежать языковых конфликтов и могла быть признана вполне эффективной и оправдывающей себя в условиях функционирования многонационального общества, основу которого составляют этнолингвистические группы с различными культурно-историческими традициями.

Можно заметить неравномерность распространения русского языка среди различных групп населения Латвийской ССР на период 1970-х гг. (который мы берем как условную «кульминацию» советской экзистенциальности). Как указывают Л.К. Граудина и М.Ф. Семенова, анализируя контактное двуязычие в разных национальных группах, свободно русским языком владеют преимущественно латыши (50%), украинцы (около 47%), евреи (40%), татары (54%), поляки (42%), белорусы (34%); процент лиц, которые назвали русский язык своим вторым языком, несколько ниже среди литовцев (20%), цыган (24%), эстонцев (29%) [Семенова, Граудина 1977: 198]. В структуре двуязычия играет роль и фактор локального распределения: русский язык как первый или второй для носителя язык преобладает в среде городских жителей по сравнению с жителями сельской местности. В любом случае среди латышей билингвизм может быть квалифицирован как двусторонний, в то время как среди русскоязычной части населения такое определение вряд ли может быть применено. Всего лишь 18,7% русских назвали латышский язык вторым языком, которым они свободно владеют. Таким образом, если говорить о полном билингвизме в классическом понимании, когда предполагается одинаково свободное ак-

тивное владение обоими языками вплоть до способности мыслить на них, не прибегая к переводу, то оно встречалось у сравнительно небольшой группы населения независимо от этнической принадлежности говорящего. Следовательно, при анализе картины двуязычия в Латвийской ССР можно говорить о широко распространенном феномене неполного (частичного) двуязычия «в широком смысле», при котором одна сторона относительно владела вторым языком и использовала его в определенном объеме в тех или иных сферах общения.

В целом в период существования Латвийской ССР необходимо отметить распространение в социальной структуре коллективного билингвизма, при этом при анализе особенностей индивидуального двуязычия жителей республики можно говорить о координативном, субординативном или смешанном билингвизме в зависимости от личной языковой компетенции говорящего или осваивающего второй язык. Можно говорить даже о массовости проявления билингвизма, особенно в последние 15–20 лет существования Латвии в составе СССР, поскольку четко прослеживалась тенденция к возрастанию социальной значимости русского языка среди латышской части населения. В связи с этим важен критерий симметричности билингвизма, поскольку исконные носители русского языка, который функционально доминировал во многих сферах жизни общества всех национальных республик, в большинстве случаев оставались монолингвами или же могли понимать язык иноязычной этнической группы. Таким образом, многие носители русского языка, проживавшие в Латвийской ССР, могут быть причислены к пассивным билингвам. В то же время, как уже отмечалось, носители других языков СССР изучали русский язык и активно им пользовались. По этноязыковому признаку латышей-билингвов такую форму двуязычия, которая распространилась в ЛССР, можно причислить к национальной.

Поскольку русский как второй язык латыша-билингва мог усваиваться в условиях непосредственной уличной коммуникации с русскоговорящими детьми и параллельно изучаться в школе, можно говорить о гармоничном взаимодействии естественной и искусственной моделей билингвизма. Уличная коммуникация была эффективна, поскольку в республике эффективно взаимодействовали двуязычные малые социальные группы, когда латышские дети усваивали второй (русский) язык в непосредственном общении со своими сверстниками. При этом живое усвоение языка на разговорном уровне часто подкреплялось его изучением на высоком акаде-

мическом уровне в начальных и средних учебных заведениях. При этом, судя по данным социолингвистических исследований, в латышской среде был более распространен контактный билингвизм, так как происходили регулярные контакты латышского населения с русскоязычными жителями, а использование второго языка в большинстве случаев было мотивировано практическими коммуникативными установками.

Наконец, очевидно, что социальный билингвизм в ЛССР, при котором количество латышей, осваивавших русский язык, возрастало, мог считаться прогрессивным. Ключевые предпосылки для прогрессивного билингвизма в Латвийской ССР были связаны с естественным намерением латышского населения расширить социальные контакты и интегрироваться в государство, а для представителей научной и творческой (пишущей) интеллигенции – повысить уровень своей читаемости либо переводимости на другие языки народов СССР.

Исторический контекст русско-латышских языковых контактов

Как отмечают исследователи русско-латышских языковых контактов, стратификация русского языка в латвийском обществе обусловлена не только социотерриториальными факторами, но и давними культурно-историческими традициями бытования русского языка в Латвии [Семенова, Граудина 1977: 200]. В частности, древнелатышское население территории современной Латвии в XII–XIII вв. имело продолжительные торговые отношения с древнерусскими купцами, в результате чего древнелатышский язык обогащался различными заимствованиями из области торговли, общественной жизни, сельского хозяйства и религиозной сферы (многие слова из церковного культа были заимствованы носителями древнелатышского языка из-за их добровольного выбора в пользу православной веры до начала Ливонского крестового похода). В современном латышском языке сохраняется пласт древнерусской лексики: *baznīca* ‘церковь’ (ср. *божница*), *grāmata* ‘книга’ (ср. *грамота*), *svēts* ‘святой’, *gavēt* ‘говеть’, *grēks* ‘грех’, *sods* ‘наказание, штраф’, ср. *суд*), *karogs* ‘флаг’, (ср. хоругвь), *burkāns* ‘морковь’, (ср. *буркан*), *kaposti* ‘капуста’ и др. представляют собой древнерусизмы, которые сами (в частности, *буркан-боркан* [Этимологический русскоязычный словарь Фасмера: электр. ресурс]) могли быть заимствованы из древненемецких источников [Советская Латвия 1985: 132–135].

На продолжительность древнерусско-древнелатышских исторических контактов указывают письменные свидетельства – грамоты, написан-

ные на древнерусском языке, которые направлялись из Риги в Смоленск и Полоцк. Эти города являлись значимыми торговыми партнерами Риги, которая в первой четверти XIII в. уже была покорена ливонскими крестоносцами и на территории которой была основана немецкая торговая фактория. После заключения в 1229 г. «Смоленской торговой правды» между Смоленским, Витебским и Полоцким княжествами с одной стороны и Ригой и Готландом с другой было юридически закреплено существование Русского подворья (др.-нем. *Dat Russche Dorp*) в Риге [Гусев 2008: электр. ресурс; Пухляк 2010: электр. ресурс], которое в 1230 г. было включено Рижским ратом в черту города-крепости [Рига 1989: 644].

Контакты обоих языков существенно интенсифицировались позднее под влиянием двух исторических факторов: во второй половине XVII в., когда произошло массовое вынужденное переселение сторонников древлеправославной церкви (носителей русского языка) и их семей на территорию Польской Ливонии [Подмазов: электр. ресурс], и в начале XVIII в., после присоединения Лифляндской губернии с центром в Риге к Российской империи (де-факто в 1710 г., де-юре в 1721 г.) после победного завершения прибалтийской кампании Петра Первого в рамках Великой Северной Войны [Пухляк: электр. ресурс; Рига 1989: 44].

Постоянно увеличивался контингент русского населения не только Лифляндской, но и других Прибалтийских губерний, которые существовали в рамках единого государственного пространства Российской империи. В связи с экономическими и политическими факторами постепенно увеличивалось социальное влияние русского языка в городах Прибалтики, на что указывает Б.Ф. Инфантьев. Это влияние возникло благодаря налаживанию и укреплению торговых и промышленных связей, возрастающей роли остзейских немцев в культурной, политической и экономической жизни в коренных губерниях Российской империи и необходимости исполнения воинских повинностей податными сословиями [Инфантьев 1972: 8].

В фольклорной традиции также наблюдается активное взаимовлияние языковых стихий: фольклористы И.Д. Фридрих и Н.С. Бережанский (оба – собиратели и систематизаторы русского фольклора в Латвии 1920–1930-х гг.) указывают на наличие элементов русского фольклорного канона в латышском устном народном творчестве и, в свою очередь, на присутствие латышских мотивов в русском фольклоре Латвии [Фридрих 1972; Бережанский 1930].

Изменение государственной языковой политики после отделения Латвии от СССР

После выхода Латвии из состава СССР возобладали принципы репрессивной языковой политики. В данном случае под термином «языковая политика» мы традиционно понимаем комплекс мероприятий, которые проводятся властями или властными институтами и которые направлены на решение определенных социально-языковых целей. С помощью языковой политики возможно добиться изменения существующих языковых норм или скорректировать коммуникативную мощьность того или иного языка посредством изменения его юридического статуса или с помощью расширения или сужения сферы его употребления в пределах этого социума. В ряде случаев посредством механизмов языковой политики можно изменить статус-кво, в таком случае она может считаться перспективной (синонимичным обозначением перспективной языковой стратегии является термин «языковое строительство», распространенный в советской и российской лингвистической литературе, в то время как в западноевропейской научной традиции она обыкновенно именуется «языковым планированием»). Если же государственные инстанции, ответственные за языковую политику, удовлетворены положением дел и отказываются менять устоявшееся социолингвистическую ситуацию, то такая политика может считаться ретроспективной. В случае с независимой Латвийской республикой следует констатировать, что идеологический вектор языковой политики подвергся радикальному изменению, в результате чего новая политическая элита, будучи неудовлетворенной сложившейся социолингвистической ситуацией, начала устанавливать новые принципы функционирования языков в латвийском обществе, ставя перед собой цель существенно уменьшить сферу функционирования русского языка и расширить сферу употребления латышского. В данном контексте языковая политика современной Латвии объективно отличается высоким уровнем психоэмоциональной конфликтности, при том что она напрямую направлена на принципиальное изменение сложившейся языковой ситуации, т.е. на изменение типов контактирования и взаимодействия языков в рамках государства. Представляется возможным обозначить ключевой принцип языкового планирования в период с 1991 г. по сегодняшний день следующим образом: «меньше носителей русского языка – больше носителей латышского». При этом следование установкам репрессивного языкового планирования идет вразрез с объективной характеристикой языковой ситуации в республике.

Факты, которые свидетельствуют о достаточно жестком, репрессивном характере языкового планирования в современной Латвии таковы.

– Латышский язык был наделен юридическим статусом государственного языка, в то время как русский язык подвергся юридической деофициализации, тем не менее сохранив неофициальный статус языка межнационального общения в государствах Прибалтики и в ряде общественных сфер внутри государства. Факт, убедительно доказывающий несоответствие реальной языковой ситуации механизмам языковой стратегии, – принятие Закона о государственном языке в 1999–2000 гг. [Закон о государственном языке 1999: электр. ресурс], в соответствии с которым латышский и ливский (сегодня объективно вымерший и более не функционирующий после смерти последней носительницы этого языка Гризельды Кристинь 2 июня 2013 г.: <http://www.livones.net/intro/?raksts=8789>; <http://lenta.ru/news/2013/06/05/livonian/>) языки являются единственными государственными, в то время как все остальные (в том числе и русский язык) наделяются статусом иностранных. В то время (2000 г.) придание русскому языку такого статуса противоречило его реальному распространению: 37,5% жителей страны назвали русский родным языком, при том что среди населения Латвии было только 29,6% этнических русских [Latvijas statistica: электр. ресурс]. При этом русским языком в Латвии на разных уровнях владело 81,2% населения и 70,7% латышей по национальности при переписи населения заявили о том, что владеют русским языком. Говоря об уровне социальной потребности в официализации русского языка, надо отметить, что в пользу этого законодательного акта по итогам одного из социологических опросов в этом же 2000 г. высказались 84% так называемых неграждан Латвии и 26% граждан [Лигута 2001]. Сегодня при наличии у русского языка статуса иностранного 33,8% населения Латвии называют русский язык родным, 26,9% населения – этнические русские [Latvijas statistica: электр. ресурс].

– С момента косвенного признания русского языка иностранным государственные и муниципальные учреждения имеют право не принимать документов и заявлений на русском языке, а также не предоставляют на нем информации, за исключением особо оговоренных случаев [Закон о государственном языке 1999: электр. ресурс].

– Были введены ограничения на использование языков в частной сфере: при распространении публичной информации текстов на латышском языке должно быть не меньше, чем на лю-

бом другом. В большинстве случаев частные предприниматели в Латвии сознательно отказываются от дублирования публичной (часто рекламной) надписи на русском языке, поскольку испытывают страх языковых репрессий и боятся отпугнуть часть клиентов латышской национальности.

– Еще до принятия и внедрения Закона о государственном языке в качестве одного из механизмов языкового планирования применялась ликвидация официальных публичных надписей информационного и указательного характера на русском языке (например, на двуязычных табличках с названиями улиц закрашивался русский вариант названия и оставлялся только латышский).

– Латвийский закон об образовании в ст. 9 и п. 9 [Закон об образовании: электр. ресурс] предусматривает, что в государственных вузах обучение должно проходить на государственном языке (с некоторыми исключениями), а в общественных средних школах (10–12-й классы) и профессиональных школах по меньшей мере 60% преподавания должно проходить на государственном языке. В то же время Министерство образования и науки Латвии в 2014 г. приступило к разработке новой реформы общественных школ национальных меньшинств, в соответствии с которой планируется увеличить пропорцию содержания латышского языка в преподавании. С этой целью были разработаны образовательные модели для школ нацменьшинств. Планируется проводить переговоры с администрациями общественных средних школ с целью обеспечения ими выбора наиболее жесткой образовательной модели, которая предполагает перевод преподавания большинства предметов в начальной, основной и средней школе (кроме уроков родного языка и литературы) исключительно на латышский язык (http://rus.tvnet.lv/novosti/obschjestvo/251510-russkije_shkoli_latvii_gotovjat_k_rjeformje2018).

– В 1992 г. был учрежден Центр государственного языка (Valsts valodas centrs), который является государственным учреждением, подведомственным министерству юстиции Латвии. В функции центра входит проверка соблюдения нормативно-правовых актов в сфере функционирования государственного языка и наложение административных наказаний за нарушения. Например, в 2011 г. за неиспользование государственного языка при исполнении профессиональных обязанностей было оштрафовано 1 062 чел. (http://rus.tvnet.lv/novosti/obschjestvo/187989-za_narushjenije_zakona_o_jazikje_oshtrafovano

_1_062_chjelovjeka). Таким образом, ЦГЯ исполняет функцию одного из ключевых механизмов репрессивной языковой политики. Осуществлением финансовых репрессий против нарушителей законодательных актов, регламентирующих использование госязыка в соответствии с нормами, предписанными для конкретной профессии, занимается Отдел по языковому контролю ЦГЯ, отношение к которому у населения, для которого русский язык является родным, преимущественно отрицательное.

– Одним из последних актов репрессивного языкового планирования стало принятие на парламентском уровне поправок к Кодексу административных правонарушений, которые предусмотрели возможность ужесточения финансового наказания за языковые нарушения. Таким образом, за «неиспользование латышского языка работниками частных и государственных предприятий и сотрудниками государственных учреждений при исполнении профессиональных обязанностей» размер максимального штрафа был увеличен в четыре раза: с 50 до 200 латов. Кроме того, в 25 раз поднят размер штрафов за нарушение норм использования государственного языка при вещании частными радио и телекомпаниями (<http://rus.publika.lv/politika/3974-q-q->). Также впервые в новейшей истории Латвии по итогам парламентского голосования были разработаны и введены специальные штрафные санкции за уклонение от общения с инспекторами Центра государственного языка.

В настоящий момент среди этнических латышей, особенно представителей молодого поколения, знание русского языка (в субъективном восприятии) постепенно ухудшается: в 1996 г. 84% носителей латышского языка свои навыки владения русским языком оценивали как хорошие, а уже в 2008 г. только 69% разделяли такую оценку. Наиболее низкую оценку степень владения русским языком получила в возрастной группе 15–34 лет: среди латышей этой возрастной группы хорошие знания русского языка отметили 54%, средние и слабые – 38% молодых латышей, а 8% сказали, что русский язык не знают совсем (http://www.valoda.lv/downloadDoc_435/mid_510). В то же время в 2005 г. состоялся социологический опрос, который показал, что русский язык был первым языком в Латвии по критерию общего владения вне зависимости от уровня языковой компетенции – 94% по сравнению с 91% для латышского языка [Sabiedrības informētība...: электр. ресурс]. Эти данные объясняются тем, что чаще всего русскоязычные дети Латвии в возрасте до 15 лет владеют ла-

тышским языком немного лучше, чем латышские дети русским, хотя эта пропорция быстро меняется, так как с возрастом знание русского языка улучшается. В то же время согласно социолингвистическому исследованию 2009 г. 48% русскоязычных участников опроса оценили свое владение латышским языком как хорошее, 27% оценили свои знания латышского языка как посредственные, 8% сообщили, что не владеют им, а 1% затруднился ответить на вопрос. Опрошенные в основном признают, что качественному изучению латышского языка во многом способствовала существующая административная система. В соответствии с наблюдениями авторов исследования, положительные тенденции в употреблении государственного языка наблюдались только в 2007 и 2008 гг., а реальное двуязычие стало особенно заметным преимущественно в сфере услуг и в частном бизнесе. Менее половины опрошенных работников этого сектора признали, что во время общения с клиентами-латышами переходят на латышский язык.

Результаты опроса участников Тотального диктанта в Риге

В связи с необходимостью анализа социолингвистической ситуации в современной Латвии с целью выяснить частотность использования латышского языка русскоязычными респондентами и причины, которые оказывают влияние на частотность его использования, нами был осуществлен социолингвистический опрос среди участников Тотального диктанта 2014 г. на одной из площадок его проведения в Риге. По итогам опроса были собраны и обработаны 140 анкет. Несмотря на сравнительно небольшое количество участников представляется возможным сделать ряд выводов об объемах реального использования латышского языка русскоязычными респондентами и об их отношении к официальной языковой политике, а также к тем факторам, которые могли бы поспособствовать увеличению частотности использования ими латышского языка.

Из 140 опрошенных 2,1% вообще не владеют латышским языком (в том числе женщины старше 61 года и девушка-казашка), но в целом респонденты при выборе субъективной оценки языковой компетенции отметили, что владеют латышским языком в той или иной степени (10% владеют латышским на элементарном уровне – в основном, представители старших возрастных групп и школьники до 9 класса; 27,9% владеют латышским на разговорном уровне; 39,3% владеют языком хорошо, а 19,3% владеют им в совершенстве). Среди тех, кто владеет языком в совершенстве, большинство респондентов нахо-

дятся в возрастной группе от 26 до 35 лет (так оценили свое владение языком 38,5% из них) и до 18 лет (23,3%). Отметим, что владеют языком хорошо 45,5% респондентов возрастной группы 19–25 лет, 46,2% – возрастной группы 26–35 лет и 45,5% – возрастной группы 36–45 лет. Это может быть объяснено необходимостью изучения латышского языка в целях более престижного и успешного трудоустройства, а также изменением вектора языковой политики. В то же время сравнительно небольшое число участников опроса в возрастной группе 61 год и старше (4,3%) отметили, что владеют языком в совершенстве.

Среди пенсионеров 45,5% владеют латышским языком на разговорном уровне, что соответствует нашим ожиданиям, в то время как число таковых среди школьников и студентов достигает 25% и 27,6% соответственно. Среди школьников и студентов число хорошо владеющих языком достигает 43,8% и 40% соответственно, а среди работающих таковых ровно половина опрошенных (50%), в то время как среди пенсионеров их число сравнительно мало (15%). Отметим также, что среди пенсионеров число владеющих латышским языком в совершенстве составляет 5%.

Среди указавших национальность «русские» (98 из 140) 32,7% владеют латышским языком на разговорном уровне, а 35,7% – хорошо. В то же время те респонденты, которые своими родным языком назвали русский, на разговорном уровне владеют латышским 31,2%, а хорошо – 40%. Любопытно и то, что 6 участников опроса в графе родной язык вписали оба – латышский и русский (преимущественно респонденты школьного возраста), из этих шести четверо владеют латышским языком в совершенстве, а двое – хорошо.

Отметили наличие у себя определенной категории (старого или нового образца) владения латышским языком 65,7% респондентов, в то время как у 20,7% участников опроса нет категории (в основном у школьников до 9 класса, которые еще не сдавали централизованные экзамены; у взрослых участников старше 61 года и у тех, кто причислил себя к этническим латышам (11 человек). Отметим, что причисление себя к этническим латышам может быть связано с формальным критерием принадлежности к латвийскому государству в соответствии с паспортными данными, в то время как национальность респондента может отличаться от указанной в паспорте. У 50% опрошенных вторая (средняя) категория владения языком, у 39,1% – третья (высшая). Большинство людей в возрастной группе 19–25 лет (66,7%) и 36–45 лет (83,3%) отметили нали-

чие средней категории, а среди представителей возрастной группы 26–35 лет 58,8% обладают высшей категорией знания языка. Среди студентов 63,6% обладают средней категорией; среди работающих обладатели второй категории составляют 46,7%, а высшей – 48,9%. Среди русских обладателей второй категории – половина опрошенных, а высшей – 38,6%.

Среди школьников и студентов примерно одинаково число тех (40%), кто чаще использует (или использовал) в школе русский язык, чем латышский. Среди работающих и пенсионеров (взрослые) таковых 60–67%, что связано с советским периодом, когда в русскоязычных школах Латвии отсутствовала билингвальная модель образования, введенная в период независимой Латвии. Многие не указывали язык школьного образования в связи с давностью, а также в связи с тем, что воспринимают как само собой разумеющийся факт обучения в советской школе на русском языке. К тому же, многие респонденты старшей возрастной группы заканчивали школу в другой национальной республике СССР. Чаще использовали в школе русский, чем латышский язык 50% школьников и 40% студентов. Только латышский язык использовали в школе 6,7% студентов. Среди школьников таковых оказалось 9,4% (по всей видимости, они обучаются в латышских школах). Используют (использовали) русский язык в школе 63,3% русских, из них 21,4% чаще используют (использовали) русский язык, чем латышский. В целом 59,3% всех респондентов используют (использовали) русский язык в школе, а 25% используют (использовали) чаще русский, чем латышский (всего около 80% респондентов).

Всего 36,4% участников опроса используют (использовали) в вузе русский язык, а 13,6% – латышский. Использовали в вузе только русский язык 54,5% респондентов в возрастной группе 36–45 лет, 80,8% респондентов в возрастной группе 46–60 лет и 47,8% респондентов в возрасте 61 год и старше (что объясняется двухпоточной системой образования в советских вузах Латвии). К тому же, использовали в вузе только русский язык 43,5% работающих, 50% пенсионеров, 50% домохозяек и 100% безработных. Используют в вузе только русский язык 53,3% действующих студентов (что, по всей видимости, связано с обучением в настоящий момент в частных высших учебных заведениях, в которых разрешено преподавание неограниченного числа дисциплин на русском языке); 20% студентов используют в вузе только латышский язык (вероятно, они обучаются в государственных вузах, где преподавание, за исключением программы

«русистика и славистика», осуществляется на латышском языке).

На работе используют только русский язык 26,4% всех опрошенных, 32,1% опрошенных используют чаще русский, чем латышский язык. Чаще используют на работе латышский, чем русский, 11,4%, и только 4,3% всех опрошенных говорят на работе только на латышском языке, что в целом указывает на тенденцию к дифференциации трудовых коллективов современной Латвии по языковому и этническому признакам. Практические наблюдения зачастую подтверждает устоявшуюся обособленность рабочих коллективов по критерию этнической принадлежности и, соответственно, по критерию языка общения среди членов того или иного рабочего коллектива. Так, среди наиболее активной, работающей возрастной группы 35–45 лет число респондентов, использующих на рабочем месте (в общении с коллегами либо при выполнении профессиональных обязанностей) исключительно русский язык, достигает 45,5%, а 27,3% использует на работе чаще русский, чем латышский. В то же время только 9,1% респондентов этой возрастной группы используют только латышский язык, а 18,2% используют чаще латышский, чем русский. Среди респондентов с высшим образованием 31,4% используют на работе только русский, а 39,5% используют чаще русский, чем латышский, что также указывает на наличие социальной дифференциации рабочих групп по этнолингвистическому признаку. В то же время 24,2% работающих используют на работе только русский, а 51,6% используют чаще русский, чем латышский. 19,4% работающих используют на работе чаще латышский, чем русский. Можно обратить внимание на фактор употребления русского языка русскоговорящими респондентами в общении с коллегами, для которых русский язык также является родным (в некоторых случаях – и с коллегами-латышами, которые часто предпочитают общаться с русскоязычными коллегами по работе на русском), в то время как при общении с клиентами-латышами вероятно более или менее регулярное употребление ими латышского языка на базовом или разговорном уровне (особенно в сфере торговли и других услуг).

Только русский язык используют в семье 87,1% респондентов, что является вполне ожидаемым показателем в соответствии с реальной языковой ситуацией, при которой русский язык является языком семейного общения русских (русскоязычных) жителей Латвии. Чаще используют в семье русский, чем латышский язык, 10% респондентов, при этом в примечаниях к анкете большинство этих респондентов (в основном

представители младших возрастных категорий и студенты) указали, что разговаривают по-латышски со своими родителями, таким образом помогая им в усвоении латышского языка на разговорном уровне. Несколько школьников указали, что в семье используют латышский язык «по приколу». В целом во всех возрастных группах и во всех группах по роду занятий, образованию и национальности от 80 до 100% респондентов используют русский в качестве языка семейного общения. К тому же, 45,5% тех, кто идентифицировал себя как латыши, также используют в семье только русский язык. В то же время 15,4% респондентов в возрастной группе 26–35 лет отметили, что в семье используют русский язык чаще, чем латышский, что может свидетельствовать о смешанных браках, при которых супруги могут использовать оба языка, но тем не менее в такой социоллингвистической ситуации использование русского, в том числе и супругом-латышом, является более частотным.

В общении с друзьями 65% опрошенных используют только русский, а 30% – чаще русский, чем латышский язык; 60% из них имеют начальное образование (следовательно, учатся в основной школе), а около 80% – высшее образование. Используют в общении с друзьями и знакомыми только русский язык 50% школьников, 73,3% студентов, 67,7% работающих и 65% пенсионеров. В этой же ситуации только русский язык используют 68,4% русских, 75% белорусов и 71,4% украинцев, что также естественно в связи с традиционным формированием круга общения по признаку этнолингвистической принадлежности.

Другая картина предстает перед нами в связи с частотностью использования русского либо латышского языка при посещении официальных (государственных или муниципальных) учреждений. Только 11,4% опрошенных используют только русский язык при общении с чиновниками, в то время как более 30% респондентов переходят на латышский язык, что также подтверждает статусную характеристику латышского языка как языка официальной коммуникации. В официальных учреждениях используют чаще латышский, чем русский, 30% респондентов, что связано в большинстве случаев с психологическими причинами. Большинство из тех, кто использует только русский в данном социоллингвистическом контексте, принадлежит к возрастной группе 36–45 лет (27,3%), в то время как половина всех опрошенных в возрастной группе от 26 до 35 лет при общении с чиновниками переходят на латышский язык. Среди респондентов с высшим образованием 34,9% используют в учреждениях только латышский, а 27,9% – чаще ла-

тышский, чем русский язык. Ровно треть студентов и 35,5% работающих используют в официальных ведомствах только латышский язык (26,7% студентов и 32,3% работающих чаще говорят на латышском, чем на русском). Используют латышский и чаще латышский, чем русский, в официальных учреждениях соответственно 28,6 и 32,7% русских.

Около 30% опрошенных в магазинах используют только русский язык, 40% в магазинах и при получении различных услуг используют чаще русский, чем латышский (при 23,6% тех, кто в этой ситуации используют чаще латышский, чем русский, и примерно 8% тех, кто в этой ситуации употребляет только латышский). Это также связано с психологическим фактором использования русского языка, так как эта социолингвистическая ситуация предполагает менее формальный контекст общения, чем ситуация в связи с обращением респондента (носителя русского языка) в официальное учреждение, в которой доминирует латышский язык, имеющий статус государственного. В то же время 15,4% респондентов в возрасте от 26 до 35 лет при получении различных услуг, находясь в статусе клиента (плательщика), переходят на латышский язык. В данной социолингвистической ситуации используют либо только русский, либо чаще русский, чем латышский, 29,1% и 39,5% респондентов с высшим образованием. Почти половина студентов (47,6%) используют русский при получении услуг, среди пенсионеров таковых четверть, в то время как 45,5% пенсионеров отметили, что в магазинах используют чаще русский, чем латышский. В общении при получении услуг используют русский язык 27,6% русских и 50% опрошенных белорусов. В такой же ситуации чаще русский, чем латышский, используют 38,8% русских. В магазине и при получении услуг используют русский 26,4% тех, для кого он является родным, а 41,6% таких респондентов используют чаще русский, чем латышский (при 24% тех, кто в этом контексте использует чаще латышский, чем русский).

В то же время отвечая на вопрос об использовании русского или латышского языка при встрече на улице с незнакомым им носителем латышского языка, респонденты продемонстрировали высокий градус языковой толерантности: 50% опрошенных в такой ситуации готовы переходить на латышский язык независимо от их уровня владения языком. Используют в такой ситуации чаще латышский, чем русский, 20%, но также 20% отметили, что при общении на улице с латышами используют все же чаще русский, чем латышский. В данной ситуации используют

только латышский 76,7% принадлежащих к возрастной группе 18 лет и младше (или же 75% школьников), вместе с тем только латышский в этой же ситуации используют 53,8% тех, кто принадлежит к возрастной группе 26–35 лет. Среди студентов таковых оказалось 46,7%, а треть опрошенных студентов призналась, что в таких условиях используют чаще латышский (но могут использовать и русский). Отметили, что при встрече с латышом использовали бы скорее русский 36,4% принадлежащих к возрастной группе 36–45 лет (22% работающих), а 30,8% тех, кто принадлежит к группе 46–60 лет, и 26,1% тех, кто принадлежит к группе от 61 года и старше, чаще предпочли бы русский. Отметим, что 15,4% опрошенных от 46 до 60 лет избрали бы в качестве языка общения в этой ситуации только русский. Предпочли бы в такой ситуации использовать соответственно латышский или чаще латышский, чем русский, соответственно 49% и 20% этнических русских; 21,4% этнических русских все же в этих условиях использовали бы чаще русский. Также русский избрали бы 12,9% опрошенных со средним (специальным) образованием. Среди тех, для кого русский язык является родным, латышский язык при общении с латышом при случайной встрече использовали бы чуть более половины (51,2%); 21,6% использовали бы скорее латышский, чем русский, а 20% беседовали бы скорее на русском.

При указании причин более частотного использования латышского языка в различных сферах и условиях коммуникации многие респонденты отметили, что используют латышский язык из-за того, что вынуждены (поставлены в такие условия), что мотивировано реформой школ национальных меньшинств, смысл которой заключается во введении языковых пропорций изучения предметов на латышском языке, или же из уважения к собеседнику-латышу. Большинство тех, кто употребляет латышский язык в вузе (17%), отметили, что также поставлены в такие условия (в связи с обучением в госвузе на латышском языке), или же из уважения к собеседнику-латышу. При перечислении причин использования латышского языка на работе большинство участников отметили зависимость от условий или, опять же, уважение к собеседнику. Большинство участников отметили, что в семейной коммуникации используют латышский язык либо из уважения к члену семьи, либо в критерии «другое» оговорили, что используют язык в лингводидактических целях для облегчения освоения латышского языка другими членами семьи (в основном, старшими родственниками). При общении с друзьями преобладают ответы

«собеседник не понимает по-русски» и «из уважения к собеседнику-латышу». Мотивируя использование латышского языка в официальных учреждениях, участники опроса отметили, что они вынуждены использовать латышский (поставлены в такие условия), в то же время некоторые отметили в качестве причины графу «привычка, так удобнее». Респонденты чаще всего отмечали, что используют латышский язык в магазине или при получении услуг по привычке, из-за того, что собеседник не понимает по-русски, а также из уважения к собеседнику. Среди тех, кто использует латышский язык в общении с носителями латышского языка при случайной встрече, большинство в качестве критерия указало уважение к собеседнику, а меньшая часть отметила, что говорит в этих условиях на латышском из-за того, что собеседник не понимает по-русски. Таким образом, ситуация, более приближенная к условиям реального двуязычия, наблюдается преимущественно в сфере получения услуг, что подтверждается данными предыдущих социолингвистических опросов.

В то же время отвечая на вопрос, насколько часто респонденты употребляют латышский язык в последние два-три года, более половины опрошенных (около 53%) отметили, что делают это каждый день, в то время как 22,1% признались, что делают это два-три раза в неделю. Используют латышский несколько раз в год 7,1%, а 9,3% – раз в месяц. Среди тех респондентов, кто имеет начальное образование, принадлежит к возрастной группе 18 лет и младше и является школьником, в среднем 60% используют латышский язык каждый день (среди тех, кто уже имеет законченное основное образование, таковых более 69%). Это, очевидно, связано с программой по постепенному внедрению в основной школе билингвальной модели и с тем, что в старших классах школ нацменьшинств эта модель уже внедрена в 2004 г. Используют латышский каждый день 40,9% в возрасте от 19 до 25 лет и 46,7% студентов. Так же интенсивно используют латышский язык люди от 26 до 35 лет (65,4%) и от 46 до 60 (57,7%). Более 55% имеющих высшее образование используют латышский язык каждый день. К числу таких респондентов принадлежит и около 65% работающих. В то же время каждый день по-латышски говорят лишь 30% пенсионеров, 20% делают это несколько раз в неделю, а 15% пенсионеров общаются на латышском всего несколько раз в год. На латышском языке каждый день говорят 48% этнических русских (51,2% тех, для кого русский язык является родным), 85,7% украинцев и более 90% тех, кто указал латышский в качестве родного языка. Ис-

пользуют латышский язык несколько раз в неделю 27,6% этнических русских (24,8% тех, для кого русский является родным), а более 17% делают это реже. Среди тех, кто указал в графе «родной язык» как латышский, так и русский, все используют латышский язык в ежедневной практике.

Любопытно, что для 20% респондентов частотность использования латышского языка в школьном узусе увеличилась за последние несколько лет, а для 22,9% осталась неизменной. От 60 до 70% тех, кто чаще стал использовать латышский, – это школьники начальной и основной школы 18 лет и младше. Для 30–40% представителей этой возрастной и социальной группы объем использования латышского языка остался неизменным. Для этнических русских (более 16%) и русофонов (более 19%) частота использования русского языка в школе увеличилось.

Что касается использования латышского языка в высшем учебном заведении, то 7% респондентов отметили, что чаще стали его использовать в этой ситуации, для 6% частотность использования латышского языка уменьшилась, а для 16% осталась неизменной. Любопытно, что среди представителей студенческой возрастной группы показатели уменьшения/увеличения использования латышского языка в вузе одинаковы (18,2%), при этом в категории «студенты» 26,7% респондентов стали чаще использовать латышский, а ровно треть стала использовать его реже.

Около 20% опрошенных отметили, что интенсивность коммуникации на латышском языке на работе у них увеличилась, у 10% – уменьшилась, а у 34% – осталась неизменной. Отметим, что для людей в возрасте от 19 до 25 лет (13,6%) и от 26 до 35 лет (15,4%) интенсивность использования латышского языка увеличилась в последние годы, в то время как для 22,7% и 26,9% этих же групп интенсивность использования латышского языка уменьшилась, что может также являться свидетельством тенденции к этнолингвистической дифференциации рабочих групп и коллективов. Однако есть и обратная тенденция: в группе «работающих» для 25,8% опрошенных частотность использования латышского увеличилась, а для 14,5% уменьшилась. Объяснение этого факта может быть связано с тем, что возрастная принадлежность не всегда является статусной, и для более детального исследования изменения употребления того или иного языка в рабочих коллективах необходимо углубленное специализированное исследование с привлечением большего количества работающих респондентов. В любом случае для 21% этнических русских и 19%

русофонов интенсивность использования латышского на работе увеличилась, а для 8% и 11% соответственно уменьшилась. Для большинства же опрошенных она осталась неизменной.

В семье для большинства участников интенсивность использования латышского языка осталась неизменной (63,6% всех опрошенных при 27,9% затруднившихся с ответом).

При общении с друзьями латышский язык за последние 2–3 года чаще стали использовать 13% респондентов, реже – 10%, а для 58% пропорция осталась неизменной. Особенно заметно частотность общения на латышском языке с друзьями увеличилась среди школьников.

Надо отметить, что примерно для 40% опрошенных увеличилась частотность использования латышского языка в официальных учреждениях, в первую очередь – среди школьников, имеющих основное образование (более 50%), а у студентов этот параметр достиг 46,7%. Среди тех, для кого интенсивность общения на латышском языке уменьшилась, 18,2% составляют люди в возрасте от 36 до 45 лет. Примерно для половины всех опрошенных частотность использования языка в официальных учреждениях осталась неизменной. Таким образом, можно сделать вывод, что репрессивное языковое планирование могло привести к тому, что русскоязычные жители Риги стали чаще использовать латышский язык в общении с государственными и муниципальными чиновниками, что является одним из немногих условных преимуществ такого рода официальной языковой стратегии. Для 40% этнических русских и такого же процента русскоговорящих интенсивность использования латышского языка в этих условиях увеличилась, в то время как для 46–49% этнических русских (и русскоговорящих) интенсивность осталась неизменной.

Показательно, что для трети всех опрошенных увеличилась частотность коммуникации на латышском языке в магазинах и при получении различных услуг. Среди участников опроса возрастной группы от 36 до 45 лет рост интенсивности наименьший (18%), а среди респондентов школьного возраста, наоборот, наибольший (46,7%). Четверть работающих респондентов также признались, что для них частотность употребления латышского в магазинах также увеличилась (это наименьший показатель среди групп по роду занятий). В целом для 35% русских и русскоговорящих частотность коммуникации на латышском увеличилась, а для 46–47% осталась неизменной. С одной стороны, это можно считать достижением языковой политики, с другой – влиянием факторов личной коммуникации (интимизации общения, доверительности, основан-

ной на принципах взаимоуважения, что также входит в коммуникативную привычку русскоязычных респондентов) между клиентами и поставщиками услуг в частном узусе; третьей причиной может являться недостаточно хорошее владение русским языком латышскими сотрудниками ведомств, поставляющих услуги, в связи с чем клиенты часто предпочитают переходить на латышский. Все три причины подтверждаются практическими наблюдениями.

Частотность общения с латышами при случайной встрече увеличилась для 34% респондентов, в то время как для 50% она осталась неизменной.

Так или иначе необходимо констатировать, что во всех сферах общения наблюдается увеличение использования латышского языка, за исключением семейного общения. Именно по изменению показателей интенсивности использования языка можно судить об эффективности модели языкового планирования. Таким образом, следует отметить, что для ряда ситуаций (в официальных учреждениях, магазинах, при общении с латышами при случайной встрече) она действительно может считаться эффективной и оказывать влияние на увеличение частотности использования латышского языка, а в других ситуациях (на работе, в вузе, школе) ее значение также велико, но заметно влияние и других сопутствующих факторов.

В финальной части анкеты были сформулированы открытые вопросы: «Ваше отношение к языковой политике государства»; «Что должно измениться для того, чтобы вы чаще стали использовать латышский язык в различных сферах общения?» и «Что необходимо предпринять на государственном уровне, чтобы люди, для которых русский язык является родным, чаще стали использовать латышский язык в различных сферах общения?». В абсолютном большинстве случаев участники опроса давали отрицательную либо критичную оценку модели языковой политики в Латвии, в то же время несколько респондентов школьного возраста и студентов оценили ее как нейтральную. При ответе на второй и третий вопросы многие отмечали, что необходимо изменить а) психологический аспект языковой политики, указывая в числе факторов «улучшение отношения со стороны латышей», «отсутствие принуждения», «официализацию русского языка», «ликвидацию неравноправия» («предоставление гражданства негражданам»), «уважение», «отказ от реформы русских школ», или же б) аспект языковой политики в отношении модели обучения латышскому языку, отмечая необходимость в более интенсивной практике, в «ка-

чественном обучении латышскому языку» и в особенности акцентировали внимание на необходимости создания системы бесплатных и общедоступных курсов латышского языка, а также материальной мотивации (при трудоустройстве). Также несколько респондентов отметили, что было бы желательным, если бы латыши в общении с русскими сами первыми не переходили на русский язык. В то же время некоторые участники опроса затруднялись с ответом или же отмечали, что используют латышский язык в различных сферах общения по мере необходимости.

Таким образом, большинство опрошенных участников компетентны в латышском языке, используют его достаточно активно в большей или меньшей степени в различных сферах общения исходя из целесообразности; с одной стороны, интенсивность использования латышского языка русскоязычными респондентами в целом увеличилась (более или менее в зависимости от сферы употребления), но, с другой стороны, многие участники опроса выразили негативное отношение к языковой политике и отметили, что использовали бы латышский язык чаще, если бы государственная стратегия языкового планирования была бы более мягкой и отношение со стороны этнических латышей к русскоговорящим респондентам улучшилось, а также если бы существовала хорошо разработанная система бесплатного обучения языку представителей разных возрастных групп, которая за годы существования независимой Латвии так и не была реализована. Следовательно, отношение респондентов к репрессивной языковой политике, психологические условия и недостаток практики являются основными причинами недостаточно интенсивного использования латышского языка русскоязычными жителями, при том что за такой же период функционирования другой модели языкового планирования в Латвийской ССР гораздо больше латышей овладевало русским языком и использовало его в своем повседневном узусе.

Примечание

¹ Автор благодарит за помощь в редактировании анкеты и содействии в обработке результатов опроса социолога Андрея Солопенко.

Список литературы

Бережанский Н.С. Руководство по собиранию образцов русской народной словесности. Комиссия по собиранию и изучению русского фольклора Латвии. 1930. 16 с.

Гусев И.Н. Русская деревня в Риге // *Вся Латвия на Pribalt.info*: Путеводитель по Риге и Лат-

вии. 2008. [Электронный ресурс]. URL: <http://pribalt.info/abc.php?month=5&news=41> (дата обращения: 30.05.2014).

Инфантьев Б.Ф. Русский язык в национальной школе Латвии: Исторический очерк I. Переводно-грамматический метод (XVIII в. – 80-ые годы XIX в.). Рига: Звайгзне, 1972. 139 с.

Инфантьев Б.Ф. Русский язык в Остзейском крае до XVIII века // *Acta Baltico-Slavica*. 1980. № 13. С. 85–109.

Кошкин И.С. Исторические контакты русского языка в Латвии // *Мир русского слова и русское слово в мире: материалы XI конгресса МАПРЯЛ*. София: Heron Press, 2007. Т. 6. С. 102–109.

Кошкин И.С. Контакты русского языка в Латвии в первой половине XX века // *Humaniora: Lingua Russica*. Активные процессы в русском языке диаспоры и метрополии: Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XII / отв. ред. И.П. Кюльмоя. Тарту, 2009. С. 92–102.

Кошкин И.С. Языковые контакты и русский язык Риги второй половины XIX века // *Актуальные проблемы русского и славянского языкознания*. Рига: Изд-во Латв. ун-та, 2012. С. 53–65.

Лигута Т.В. Языковая ситуация в Латвии с позиции русского языка // *Tagad*: газ. 2001. № 3.

Париута Ю.М. Об одном польском говоре на территории Латвийской ССР // *Советское славяноведение*. 1969. №1. С. 72–78.

Подмазов А.А. Появление староверия на территории Латвии // *Русские Латвии: история, культура, современность*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russkije.lv/ru/pub/read/rizhskie-starovery/starovery3.html> (дата обращения: 31.05.2014).

Поливанов Е.Д. За марксистское языкознание: сб. популярных лингвистических статей. М.: Федерация, 1931. 181 с.

Пухляк О.Н. Прибалтийские русские: история в памятниках культуры (1710–2010): // *Русские Латвии: история, культура, современность*. Рига: Ин-т европейских исслед., 2010 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russkije.lv/ru/lib/read/ruskoje-podvorje.html> (дата обращения: 30.05.2014).

Пухляк О.Н. Северная война на территории Латвии // *Русские мемориалы в Латвии*. [Электронный ресурс]. URL: http://vojn.russkie.org.lv/sv_na_territorii_latvii.php (дата обращения: 31.05.2014).

Рига: Энциклопедия / гл. ред. П.П. Еран. Рига: Главная редакция энциклопедий, 1989. 880 с.

Семенова М.Ф. По поводу двух фонетических явлений русских и латышских говоров Латгале //

Rakstu Krājums: Veltījums Akadēmiķim im Profeso-
ram Dr. J. Endzelīnam viņa 85dzīves un 65 darba
gadū atcerei. Rīga: Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas
Valodas un Literatūras Institūts, 1959. 595–606.

Семенова М.Ф. Русские говоры Латвийской
ССР // Тр. Ин-та языка и лит-ры АН Латв. ССР.
1964. Т. 8. С. 293–296.

Семенова М.Ф. Сопоставительная грамматика
русского и латышского языков. Rīga: Zvaigzne,
1966. 154 с.

Семенова М.Ф. Русско-латышские языковые
связи: учеб. пособ. Рига: ред.-изд. отдел ЛГУ им.
П. Стучки, 1973. 100 с.

Семенова М.Ф. Сопоставление сложного
предложения в русском и латышском языках:
учеб. пособие. Рига: ред.-изд. отдел ЛГУ им.
П. Стучки, 1976. 24 с.

Семенова М.Ф. Из истории языковых взаимо-
отношений в городе Риге // Контакты латышско-
го. Рига: Зинатне. С. 192–214.

Семенова М.Ф., Граудина Л.К. Русский язык в
Латвийской ССР // Русский язык как средство
межнационального общения. Рига: Наука, 1977.
С. 196–212.

Советская Латвия: Энциклопедия / гл. ред.
П.П. Еран. Рига: Главная редакция энциклопед-
дий, 1985. 828 с.

Стойкова Т.А. Грамматическая интерферен-
ция в русской речи латышей: к проблеме освое-
ния неродного языка // Kontaktlingvistikas un
slāvu valodniecības aktuālās problēmas = Актуаль-
ные проблемы контактной лингвистики и сла-
вянского языкознания = Problems of Contact
Linguistics and Slavic Linguistics. Rīga: Latvijas
Universitāte Akadēmiskais apgāds, 2013a. С. 73–82.

Стойкова Т.А. Фонетическая интерференция
в русской речи латышей: к проблеме акцента и
произношения // Kontaktlingvistikas un slāvu
valodniecības aktuālās problēmas = Актуальные
проблемы контактной лингвистики и славянско-
го языкознания = Problems of Contact Linguistics
and Slavic Linguistics. Rīga: Latvijas Universitāte
Akadēmiskais apgāds, 2013b. С. 60–73.

Толмачева З.А., Якубайтис Т.А. О структурно-
типологическом изучении латышско-русских
языковых контактов // Известия АН СССР. 1967.
№ 5. С. 56–61.

Этимологический русскоязычный словарь
Фасмера. [Электронный ресурс] URL: [http://
vasmer.narod.ru/p059.htm](http://vasmer.narod.ru/p059.htm) (дата обращения:
30.05.2014).

Фридрих И.Д. Русский фольклор в Латвии:
песни, обряды и детский фольклор. Рига, 1972.
484 с.

Юрик В.А. Общая система залогов предика-
тивных форм глаголов русского и латышского
языков в сопоставительном плане // Ученые за-
писки Латвийского государственного универси-
тета. Рига, 1957. Т. 16, вып. 2.

Список источников

Всесоюзная перепись населения 1959 года // Демоскоп Weekly. [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php?reg=6 (дата обращения: 30.05.2014).

Всесоюзная перепись населения 1970 года // Демоскоп Weekly. [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php?reg=10 (дата обращения: 30.05.2014).

Всесоюзная перепись населения 1979 года // Демоскоп Weekly. [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_79.php?reg=10 (дата обращения: 30.05.2014).

Всесоюзная перепись населения 1989 года // Демоскоп Weekly. [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=10 (дата обращения: 30.05.2014).

Итоги переписи населения Латвии // Демо-
скоп Weekly. [Электронный ресурс]. URL: <http://demoscope.ru/weekly/033/evro01.php> (дата
обращения: 30.05.2014).

Закон о государственном языке (= LR Valsts
valodas likums) // Valsts valoda: Latviešu valoda.
1999. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.vvk.
lv/index.php?sadala=134&id=164](http://www.vvk.lv/index.php?sadala=134&id=164) (дата обращения:
31.05.2014).

Закон об образовании (= Izglītības likums) // LIKUMI: Latvijas republikas tiesību akti. [Элек-
тронный ресурс]. URL: <http://likumi.lv/doc.php?id=50759> (дата обращения: 31.05.2014).

Итоги всеобщей переписи населения 1979
года по Латвийской ССР. Рига: ЦСУ Латвийской
ССР, 1982. С. 88–89.

Latvijas statistica. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.csb.gov.lv/en> (дата
обращения: 31.05.2014).

*Sabiedrības informētība par eiropas savienības
strukturfondu līdzekļu apguvi Latvijā.* [Электронный
ресурс]. URL: [http://www.esfondi.lv/upload/01-
strukturfondu/SKDS_rezultati_10-2005.pdf](http://www.esfondi.lv/upload/01-strukturfondu/SKDS_rezultati_10-2005.pdf) (дата об-
ращения: 31.05.2014).

**THE PROBLEMS OF BILINGUISM AND THE REVIEW
OF SOCIOLINGUISTIC SITUATION IN LATVIA**

Alexander V. Filey

M. A., University of Latvia

PhD Student of Ventspils High School

In the first part of the article the features of sociolinguistic situation during the existence of the Latvian SSR are discussed taking into consideration the active contact of Russian and Latvian languages in various spheres in terms of perspective language planification. The statistics on the ethnic composition of Soviet Latvia and on the extent of the Latvian and Russian languages in Latvian society is provided. The historical background of language contact on the territory of present-day Latvia in different historical periods is observed together with stipulated extralinguistic factors that contributed to the contact of the Russian and Latvian languages. The evidence of the repressive language policy in the present-day (post-Soviet) Latvia is delivered. The article reflects the official data on the use of Russian by ethnic Latvians and the use of the Latvian language by population for whom Russian is the mother tongue. In the second part of the article the results of a sociolinguistic survey among the participants of Total dictation in Riga in 2014 into one of the sites are summarized. The analysis given in the article allows identifying the volume of the Latvian language usage by Russian-speaking respondents and revealing the factors that influence the spread of the Latvian language among generational groups of Russian-speaking population of Latvia.

Key words: sociolinguistic situation; Latvia; ethno-linguistic groups; bilingualism; Russian language; Latvian language; language policy; Russian-Latvian language contacts.